

Четвергъ, 8 (21) Февраля 1901 г.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Четвергъ, 8 (21) Февраля 1901 г.

№ 38

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЛИСТОКЪ

№ 38

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРНАЯ, СЪ РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ.

РЕДАКЦІЯ: Екатерининскій кан., 31.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО.

КОНТОРА: Екатерининскій кан., 31.

ТЕЛЕФОНЪ КОНТОРЫ
и РЕДАКЦІИ

ГАЗЕТЫ
„ПЕТЕРБУРГ. ЛИСТОКЪ“
943.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ въ 1901 году:	На 12 мѣсяц.	На 11 мѣсяц.	На 10 мѣсяц.	На 9 мѣсяц.	На 8 мѣсяц.	На 7 мѣсяц.	На 6 мѣсяц.	На 5 мѣсяц.	На 4 мѣсяца.	На 3 мѣсяца.	На 2 мѣсяца.	На 1 мѣсяцъ.
Безъ доставки	7 руб. 50 к.	7 руб. — к.	6 руб. 50 к.	6 руб. — к.	5 руб. 50 к.	5 руб. — .	4 руб. 30 к.	3 руб. 60 к.	2 руб. 90 к.	2 руб. 20 к.	1 руб. 50 к.	— руб. 80 к.
Съ доставкой въ С.-Петербургъ	9 . — .	8 . 50 .	8 . — .	7 . 50 .	7 . — .	6 . 40 .	5 . 50 .	4 . 60 .	3 . 70 .	2 . 80 .	1 . 90 .	1 . — .
Съ пересылкою въ другіе города	10 . — .	9 . 50 .	9 . — .	8 . 50 .	8 . — .	7 . — .	6 . — .	5 . — .	4 . — .	3 . 30 .	2 . 20 .	1 . 20 .
Съ пересылкою за границу	15 . — .	14 . — .	13 . — .	12 . — .	11 . — .	9 . 90 .	8 . 70 .	7 . 20 .	6 . 40 .	5 . 10 .	3 . 80 .	2 . 60 .

ТЕЛЕФОНЪ редактора

ГАЗЕТЫ
„ПЕТЕРБУРГ. ЛИСТОКЪ“
937.

ОТЪ КОНТОРЫ: Для гг. служащихъ допускается разсрочная подписка чрезъ казначействъ при равномерной уплатѣ годовой подписной цѣны каждый мѣсяцъ впередъ; разсроченные до соглашенія платятъ—городскіе при подпискѣ 5 р. 50 к., въ концѣ Іюня 3 р. 50 к., иногородніе при подпискѣ 6 р., въ концѣ Іюня 4 руб. Контора открыта съ 10 часовъ утра до 5 час. вечера.

ОТЪ РЕДАКЦІИ: Статьи для помѣщенія въ газетѣ должны быть доставляемы съ подписью и адресомъ автора и обозначеніемъ номера. При неисполненіи перваго условія статьи напечатаны не будутъ, а втораго условія—онѣ считаются безплатными. Статьи, неудобныя къ печати уничтожаются. Объясненія съ редакторомъ или съ однимъ изъ членовъ редакціи—ежедневно отъ 2 до 4 ч. пополудни.

ВЪ ЭТОМЪ НОМЕРѢ ШЕСТЬ СТРАНИЦЪ.

Мимоходомъ.

Въ городѣ много говорятъ о случаѣ съ маленькимъ мальчикомъ, изувѣченнымъ лжовникомъ, наѣхавшимъ на него, когда онъ возвращался домой изъ училища реформатской церкви.

Оглоблей лжовника вышибло глаза бѣдному мальчику, а копыта лошади переломали ему три ребра. Ребра, пожалуй, еще починить, а съ глазомъ придется распрощаться.

Не всѣ родители имѣютъ возможность посылать со школьниками провожатыхъ. Если въ садикъ выѣзжаютъ объявленія: «Охрана насаждений въѣзжаетъ публичъ», то, казалось бы, тѣмъ больше въѣзжаетъ публичъ охрана дѣтей, которыхъ увидятъ одинокими на улицѣ. Но у насъ каждый думаетъ только о себѣ; предостеречь, защитить ребенка не входитъ въ предѣлы его обязанностей. А лжовникъ, неуклюжий, не выспавшійся, нерѣдко полупьяный, и подавно не позаботится о хрупкомъ созданіи. Ему не до важнаго обращенія. Кажется, будто профессиональное свойство этихъ косматыхъ гигантовъ, похожихъ со своими могучими битами на какихъ-то людей пещернаго вѣка,—калѣчить, сокрушать все мелкое, ломкое, хрупкое...

Случалось-ли хоть кому-нибудь въ Петербургѣ видѣть «лжовника-извозчика», не «поломаншаго» ни одной изъ вещей, доверенныхъ ему при перевозкѣ? Если-бъ нашелся такой фениксъ, ему-бы можно было выдать монгольскую премию! Это скажутъ всѣ.

Неужели и въ двадцатомъ вѣкѣ не удастся дождаться иного типа перевозчика, аккуратнаго, проворнаго, чистошотнаго, вѣжливаго и дешеваго...

А есть города, гдѣ этотъ идеалъ достигнутъ. Възъимайте въ Ригу,—вы тамъ увидите. Если съ вами есть багажа пудовъ 15—20, вамъ предложатъ свои услуги экспрессы съ ручной тележкой и за 40—50 коп. доставятъ вещи такъ, что ни одной порохины не испортить. А конные возницы въ узкихъ переулкахъ старой Риги, похожихъ на корридоры мебелированныхъ комнатъ, довернутъ съ ловкостью ваправскихъ акробатовъ.

Замѣчательно мало впечатлѣнія оставилъ маскарадъ въ Маринскомъ театрѣ; разговоры о немъ совсѣмъ какъ-то замолкли. Впрочемъ, удивляться тутъ нечего: программа этого «декадентскаго» концерта въ сущности мало чѣмъ отличалась отъ тѣхъ, какія бывають у другихъ заурядныхъ вечеровъ.

Удивлять публику на что-нибудь чрезвычайное, фурорное, экстравагантное сдѣлалось явленіемъ обычнымъ. Если объявить, что устраивается вечеръ, гдѣ Л. Толстой сыграетъ на шарманкѣ собачій вальсъ, а Антонъ Чеховъ протанцуетъ качучу, то публика валомъ повалитъ и найдетъ это въ порядкѣ вещей.

Диссонансы въ модѣ ими всюду привлекаютъ публику.

Вѣдь собралась-же многотысячная толпа слушать Франциска Ассизскаго только потому, что на мѣстѣ капелмейстера былъ аббатъ въ сутанѣ.

Если-бъ не было общаго этого, вѣроятно мало кто поинтересовался-бы пьесой, совершенно невѣдомой и, какъ оказалось впоследствии, никакими особыми достоинствами не отличающейся. Шумъ, реклама—и достаточно: успѣхъ обезпеченъ; настоящихъ достоинствъ не спрашиваютъ.

Недавно состоялся концертъ, гдѣ на ряду съ знаменитостями, на ряду съ истинными талантами выступила пѣвица Вальцева. Не успѣли еще въ залѣ отзвучать некрасовскіе скорбные стихи, вдохновенные монологи Чапкова, бичующаго съ ѣдкимъ сарказмомъ пошлость жизни, какъ раздались «Я обожаю» и другіе трюлляжные романсы. Пѣвица пѣла носомъ, горломъ, зубами, только не голосомъ, прищуривала глаза, взмахивала головой и все это развѣрено, заученно, точно по командѣ—разъ, два, три...

И были аплодисменты; молодые люди и старички рукоплескали, выходили изъ себя, выѣзжали изъ кожи, хотя центръ залы молчалъ въ полномъ недоумѣніи, почему безумствуютъ, по какому случаю шумъ. Восхищаться рѣшительно было нечѣмъ и неумѣстно, а нашлись такіе, которымъ понравилось...

Это-ли не декадентство?